

Взгляд у мамы Шэнь был острым, как бритва. Она с первого взгляда определила, что на Сюэ Фэйфэне одежда из самой дешевой ткани. Ну какой император наденет такое?

С самого детства Шэнь Цинжань ни в чем не знал нужды — всё только самое лучшее. Характером и темпераментом он пошел в маму, поэтому их реакции на одни и те же вещи часто совпадали до мелочей.

Например, на сельскохозяйственные работы.

Услышав, что её сыночек в другом мире должен заниматься фермерством, мама Шэнь чуть в обморок не упала. Как он мог пахать землю?!

Она даже пожалела, что не поменяла методы воспитания для Шэнь Цинжана и его старшего брата, знай она заранее, что ему предстоит такое испытание.

Про себя мама Шэнь решила, что Сюэ Фэйфэн слишком беден, чтобы содержать её сына, но раз уж они поженились, её несогласие ничего не изменит. Лишние слова только уязвят гордость зятя. Поэтому она сменила тему:

— Жань-Жань, тяжело на земле работать? Слышала, ты по несколько десятков му в день засеивал?

Когда Система продемонстрировала им сельскохозяйственные достижения Шэнь Цинжана, даже двое суровых мужчин в семье были потрясены.

Детям всегда трудно скрыть свои обиды от матери. Глаза Шэнь Цинжана мгновенно покраснели, губы задрожали:

— Сначала было очень тяжело, но сейчас я привык. Я сейчас в отличной форме, да и Сюэ Фэйфэн не особо-то разрешает мне работать. Если я иду в поле, он всегда помогает.

Но разве крестьянин не должен гнуть спину от зари до зари? Как тут можно «помочь»?

Мама Шэнь невольно пустила слезу сочувствия. И тут Система, чтобы прервать эту душещипательную сцену, ловко вывела на экран архивное фото: Сюэ Фэйфэн несет Шэнь Цинжана на спине во время посадки риса.

Обычно Система не разбрасывалась такими кадрами, но сейчас она испугалась, что семья Шэнь сочтет её недобросовестной, а это могло отбить у Шэнь Цинжана всякое желание трудиться на благо сельского хозяйства. Пришлось срочно доставать доказательства своей невиновности.

Семья Шэнь: «...»

Ну ладно, такого зятя они, пожалуй, признают.

Шэнь Цинжань перехватил суровый взгляд отца, и ему стало не по себе. Прямо как в детстве, когда отец заставлял его пробежать тысячу метров, а он, пробежав четыреста, сбегал домой, но в итоге был разоблачен. Он виновато попытался оправдаться:

— Это он сам настоял, чтобы нести меня! Я говорил, что и сам справлюсь!

Старший брат Шэнь сразу зрил в корень:

— Скорее всего, ты просто до смерти перепугался каких-нибудь букашек в поле и сам залез на него.

Сюэ Фэйфэн, встретив оценивающий взгляд тестя, словно на военном смотре, спокойно кивнул:

— Так быстрее получается.

Полчаса пролетели незаметно. Шэнь Цинжань подобрал из угла свою свадебную одежду и поднес поближе к экрану:

— Посмотрите на золотые нити! Он правда император. Просто у меня оказалась аллергия на золото, вот он и переоделся в одежду стражника.

Увидев, с какой опаской Шэнь Цинжань держит одежду двумя пальцами, Сюэ Фэйфэн тут же отобрал её:

— Раз аллергия — не трогай!

— Но они же не верят! — заволновался Шэнь Цинжань. Сюэ Фэйфэн такой замечательный, даже когда притворялся бедняком, ни разу не оставил его голодным! Быть непонятым — это так несправедливо! Он нашел такого прекрасного мужа, мама просто обязана это знать!

И семье Шэнь пришлось выслушать историю их любви, начиная с первой встречи в деревне Лицзяцунь. Шэнь Цинжань выбирал только самые милые и забавные моменты.

Собачий корм лился с экрана тоннами.

Семья Шэнь: «А эта история случайно не из какого-нибудь бульварного романчика списана?»

Но в глубине души они поверили процентов на восемьдесят. Шэнь Цинжаню незачем было врать о таких вещах. Да и мужчина рядом с ним излучал врожденное благородство и ауру человека, привыкшего принимать жесткие решения; стать правителя в нем была неподдельной. При этом на Шэнь Цинжаня он смотрел с такой искренней, глубокой и простой любовью, словно они были самой обычной семейной парой.

Возможно, Сюэ Фэйфэн и есть тот самый человек, который предназначен Шэнь Цинжаню судьбой.

— У меня всё будет хорошо. — Шэнь Цинжань с тоской смотрел на тающий таймер и уткнулся лицом в плечо Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн большим пальцем смахнул слезы с уголков глаз Шэнь Цинжаня и торжественно пообещал:

— Пожалуйста, будьте спокойны. Я буду заботиться о Жань-Жане как о зенице ока. Его жизнь для меня важнее моей собственной, и всю жизнь я буду любить только его одного.

У мамы Шэнь в груди теснилась тысяча слов, но в итоге она произнесла то, что матери говорят чаще всего:

— Кушай больше, не привередничай.

Отец Шэнь добавил в своей строгой манере:

— Сельское хозяйство — дело всей жизни. Чередуй труд с отдыхом, но не ленись.

Шэнь Цинжань проворчал:

— Тогда скажи ему! Он же мне не разрешает работать!

Сюэ Фэйфэн возмутился:

— Я тебе не разрешаю, а ты всё равно работаешь! А если дать тебе волю, что начнется?

Подошла очередь старшего брата. Заметив опухшие губы Шэнь Цинжана и едва скрытый воротником засос, он без труда догадался, чем эти двое занимались в пещере.

Брат Шэнь: Будьте сдержаннее... ладно, проехали.

— Берегите здоровье.

Шэнь Цинжань плакал на спине у Сюэ Фэйфэна, пока не уснул. Спина генерала была такой широкой и надежной, что Шэнь Цинжань ни разу не проснулся до самого императорского дворца.

Пробудившись, он потерял глаза. Ему показалось, что кто-то только что вышел из покоев. Открыв глаза, он увидел перед собой легкую тень: Сюэ Фэйфэн сидел на краю кровати и помогал ему сесть.

На Сюэ Фэйфэне было строгое придворное одеяние. Видимо, он только что вернулся из императорского кабинета.

— Если у тебя дела, иди работай, не обращай на меня внимания. — Слова расходились с делом: тело Шэнь Цинжана инстинктивно подалось вперед, он уютно устроился в объятиях Сюэ Фэйфэна и принялся ковырять его застёжку на нефритовом поясе.

Первое, что сделал Сюэ Фэйфэн по возвращении — запретил использование золотой утвари в императорском дворце. Даже позолоченный трон убрали, заменив его на трон из ценной породы дерева — наньму.

Там, где позолоту заменить было невозможно, установили предупреждающие таблички.

Всё золото было отправлено в государственную казну на нужды народа. К тому же, война только-только закончилась, страну предстояло поднимать из руин. Чиновники должны были стать примером бережливости, расточительство строго каралось. Если в доме какого-либо сановника замечали систематическую порчу и растрату продуктов, цензоры имели полное право подать докладную. В качестве наказания виновного могли отправить за город раздавать похлебку беднякам и работать в поле, а в тяжелых случаях — лишить должности.

Ведь зерно, которое выбрасывал один чиновник, могло кормить простую семью несколько дней.

Двор единодушно восхвалял мудрость и бережливость нового императора, называя это истинным благом для народа.

Сюэ Фэйфэн готовился к голоду, который должен был разразиться через три года. Он приказал построить десятки новых амбаров по всей стране, поощрял распашку целины и развитие производства, стремясь за два года создать надежный запас продовольствия.

Учитывая, что до голода оставалось всего три года, несмотря на огромные людские потери в войне, Сюэ Фэйфэн не стал вводить меры по стимулированию рождаемости. Напротив, он поощрял женщин выходить на работу, осваивать ткачество и другие ремесла.

Чертежи модернизированных прялок, хлопкоочистительных машин и челноков, предоставленные Шэнь Цинжанем, были немедленно разосланы во все хлопководческие регионы. Эффективность прядения возросла многократно.

Слава об Императрице разнеслась еще шире. Женщины, беря в руки челнок, передавали из уст в уста легенды о Шэнь Цинжане. Дошло до того, что мужчины и женщины спорили до хрипоты, выясняя, в чем Императрица преуспела больше: в земледелии или в ткачестве. Эти споры посеяли семена новых, прогрессивных идей в умах людей.

— Еще болит? — Сюэ Фэйфэн взял пиалу с ласточкиным гнездом с подноса, который держал слуга, и стал с ложечки кормить Шэнь Цинжана.

От нежного, сладковатого вкуса ласточкиного гнезда Шэнь Цинжань надул щеки, а на его лице проступил легкий румянец:

— Я хочу чего-нибудь соленьенького.

Сюэ Фэйфэн послушно поменял пиалу на яичный заварной крем с соусом из морских ушек. Золотистая поверхность крема была посыпана свежим зеленым лучком — блюдо было приготовлено в точности по рецепту повара Чжана.

Шэнь Цинжань снова закапризничал:

— А жареные куриные крылышки можно?

— Потерпи, солнышко, завтра поешь.

Шэнь Цинжань наглед на глазах:

— С тех пор как мы вышли из пещеры, мне кажется, ты стал баловать меня еще больше?

Такая вседозволенность быстро делает меня толстым и дерзким.

Сюэ Фэйфэн опустил глаза, скормил ему еще ложку крема, взял платок и аккуратно вытер пятнышко, оставшееся на губах вертлявого Шэнь Цинжана.

Чутье Шэнь Цинжана не подвело.

Всю дорогу от пещеры до дворца Сюэ Фэйфэн предавался размышлениям. Голограмма Системы была настолько четкой, что он в мельчайших деталях рассмотрел маму Шэнь.

Внешность Шэнь Цинжана в обеих жизнях практически не изменилась, он был очень похож на мать. Маме Шэнь было за пятьдесят, но выглядела она едва на тридцать с небольшим. Время не оставило на ней отпечатков усталости, наоборот, наделило изысканной и аристократичной аурой. Сразу было видно: человек купается в любви и заботе, живет в холе и леле, на её руках не было ни единой мозоли.

Отец Шэнь казался человеком суровым и непреклонным, настоящим воплощением принципа «работай упорно, не зная отдыха». Но на деле он души не чаял в жене и не смел сказать ей ни единого грубого слова.

Видимо, воспитывать сына и баловать жену — это совершенно разные вещи.

Когда Сюэ Фэйфэн нес Шэнь Цинжання на спине, и тот, погрузившись в сон, упирался острым подбородком ему в плечо, генерал физически ощущал, насколько Шэнь Цинжань исхудал. Обхватившие его руки были покрыты тонкими мозолями — стоило лишь опустить взгляд, чтобы их увидеть.

Тоже военный человек, тоже заботится о жене... но Сюэ Фэйфэну до отца Шэнь было очень далеко.

Все познается в сравнении.

Сюэ Фэйфэн никак не мог забыть тот взгляд мамы Шэнь, полный шока и боли, когда она впервые увидела сына. Наверное, в глазах матери её ребенок никогда в жизни не терпел таких лишений.

Неудивительно, что она засомневалась в его статусе императора.

Сердце щемило от тупой боли, но оправдаться было нечем.

Перед отцом Шэнь он проиграл вчистую.

Сюэ Фэйфэн молча продолжал кормить Шэнь Цинжання, выражая свое раскаяние через заботу.

Шэнь Цинжань, заметив его молчание, пораскинул мозгами и понял, в чем дело.

В пещере он так увлекся разговором с родными, что совершенно забыл о чувствах Сюэ Фэйфэна.

Он чуть приподнялся, прижался к Сюэ Фэйфэну, засучил рукав, сжал кулак и попытался продемонстрировать свои мышцы, которых невооруженным глазом было и не разглядеть:

— Разговор с родителями был слишком коротким, я совсем забыл показать маме свои мышцы. Когда я только прибыл в деревню Лицзяцунь, я даже не мог вырваться из хватки госпожи Цай. А вчера я сам спустился с огромного баньяна, и у меня еще куча сил осталась!

Сюэ Фэйфэн слегка сжал его предплечье, и Шэнь Цинжань с шипением втянул воздух.

Последствия брачной ночи давали о себе знать.

— Я считаю, что сейчас я в отличной форме. Когда я только появился здесь, я хоть и казался полнее, но был слаб физически, и жизнь мне медом не казалась.

Шэнь Цинжань, сидя на коленях Сюэ Фэйфэна и обнимая его за плечи, словно ласковый котенок, продолжал:

— Не бери в голову, я буду стараться набрать вес. Мои родители тебе доверяют.

— Правда?

Кого-кого, а Сюэ Фэйфэна впервые в жизни так утешали, и он просто не мог сказать «нет».

— Угу.

Шэнь Цинжань просиял и принялся послушно есть и пить бульон — всё, что предлагал Сюэ Фэйфэн, улетало за обе щеки.

Но энтузиазма хватило ненадолго. Вскоре он юркнул под одеяло:

— Больше не хочу, хочу еще поспать.

Наелся — и хватит, жевать-то тоже утомляет.

Сюэ Фэйфэн вытащил его обратно. Фарфоровая ложечка со звоном ударилась о край пиалы. Сюэ Фэйфэн напомнил, что яичного крема съедена только половина:

— Остынет — будет невкусно.

Шэнь Цинжань, натянув одеяло на голову, пробурчал:

— Я устал.

Он всегда был привередой в еде, если только не умирал от голода. И этот образ он разрушать не собирался.

Сюэ Фэйфэн произнес ледяным тоном:

— Я только что издал указ: если в семье чиновника будут замечены факты расточительства, цензоры могут подать докладную. Это правило распространяется и на меня.

— Если Императрица не доест, мне завтра на утреннем приеме придется публично зачитывать покаянную.

Шэнь Цинжань робко возразил:

— Это же всего полпиалы яичного крема... Не верю, что у тебя такие суровые законы.

Степень расточительства, конечно же, регламентировалась, и полпиалы крема вряд ли потянули бы на серьезное нарушение. Сюэ Фэйфэн, с серьезным видом, продолжил пугать:

— На этот крем пошел бульон из дюжины морских ушек, не говоря уже о редких тонизирующих травах. Эти полпиалы по стоимости равны целому банкету в обычной семье.

Шэнь Цинжань опешил:

— А ты не можешь доест за меня?

— У меня своя порция, тут я тебе не помощник.

Шэнь Цинжань не сдавался:

— Давай просто никому не скажем?

Сюэ Фэйфэн указал на неприметного придворного летописца:

— Уже поздно.

Шэнь Цинжаню пришлось с трудом доедать крем.

Сюэ Фэйфэн прекрасно знал аппетит Шэнь Цинжана. Даже если бы он съел еще полпиалы, он бы не лопнул.

Просто ленился жевать.

Покончив с кремом, Шэнь Цинжань попытался договориться:

— Впредь порции для меня урежь вдвое. А если не наемся — попрошу добавки.

Сюэ Фэйфэн приподнял бровь:

— Не положено. Императорская кухня готовит по строгим дворцовым правилам, порции для Императора и Императрицы строго регламентированы. Я не в силах это изменить.

Шэнь Цинжань сердито закутался в одеяло. Лжец! Император он, или кто? А такой мелочи изменить не может!

Оправдывается какой-то борьбой с расточительством! Да он просто издевается надо мной! В обычные дни никакого летописца и близко нет, а как дело до еды доходит — он тут как тут! Явно подыгрывает Сюэ Фэйфэну!

Но что он мог поделать? Не заставлять же Сюэ Фэйфэна каждый день писать покаянные письма перед всем двором?

Придется терпеть!

<http://bllate.org/book/17933/2156118>